

ДОМОИ

напоминаем сцену, которая в свое время вызвала справедливые упреки критики. Сцена, где Амалия Карловна играет и поет «Как хороши, как свежи были розы», а два старых профессора Бородин и Захаров вспоминают прошедшее время, когда и жилось и работалось лучше. Именно эта сцена дает Бородину подосознательную зарисовку для его антисоветского выступления. «А доклады я все-таки сделаю», — говорит Бородин, и этим инсценирует, так сказать «метит» за времена, когда «хороши и свежи были розы». В МХТ эта сцена совершенно напрасно «обаятельна», она размагничивает зрителя, она не раскрывает, не обнажает враждебных линий этих «свежих роз», она напрасно здесь привлекает к Бородину, к Захарову, к Амалии Карловне, делает их симпатичными, по-своему «выгораживает».

Театр Ленсовета ушел замечания критики, пытался иначе показать эту сцену. Но как потрясающе грубо и неумно. Амалия Карловна просто визжит, а не поет, Захаров изображен кретинном, и видно: он хрипит, а не говорит о розах. Обратительно! В спектакле РХТ сделала небольшая, скромная, но умная «поправка». Все происходит по-настоящему, по-хорошему, не хрипит Захаров, и Амалия не вскрикивает. Зато когда Захаров говорит свое «Как хороши...» и т. д., он их произносит иронически, чуть подтрунивая. Собственно не Захаров, а актер, который его изображает. Этот элемент иронического отношения к образу переключивается с таким же в спектакле «Не было ни гроша» у Тришкина—Разновесова. Ироническое отношение при этом отнюдь не подчеркивает, не наизыгодно. Оно также производится, как в общезнании. Сейчас — «как хороши, как свежи были розы» — можно сказать только иронически, язык иначе не «поворачивается». Эта тонкая ироническая черточка дает правильную оценку всей сцене.

Лучший спектакль МРХТ, несомненно погодинский «Темп». Театральность ироническая манера подходит к событию и лицу; моментами только пробывавшаяся в первых двух спектаклях, здесь она выражена больше и перипинудленней.

Если театр займется «познанием самого себя», — истину он обретет не столько в «Не было ни гроша» или «Страхе», сколько в «Темпе». И достоинства и недостатки пьесы были учтены театром, первые ваячески расцветывались, вторые «замазывались». В пьесе есть натянутость в смысле самого темпа. Темпы перерождения героев явно преувеличены, неубедительны, не доказаны мало доказаны. Михалка из бузотера, не моргнув глазом, превращается в передового застрельщика большевистских темпов. Зотов, вчера отлынивавший от работы, несомненно предлагает норму кладки кирпича, во многом превышающую американскую. В жизни такие вещи наблюдаются, но вот этот «скачек», его название.

переход, перерождение не раскрыт на сцене. Зато сезоники сами по себе, жодорит их языка, жеста, манеры, — здесь Погодин и силен, и интересен, и заслуживает всяческого изучения. Театр вообще «перерождение», во всяком случае не настаивал на нем, не требовал, чтобы зритель объяснительно уверовал в то, что в нем не убеждает. Театр сосредоточил внимание на беглом и метком очерке характеров и отдельных ситуаций, некоторые из них могут быть выписаны из спектакля и звучат как самостоятельные сцены. Такова сценка, где сезоники обескураживают газетную заметку, в которой говорится «о пафосе» масс. Что такое «пафос»? Наменка по адресу газетной непонятности и очень теплый взгляд на сезоники, которые хотят знать, выучиться, понять «лучше слова», эти два момента не звучат просто комической картинкой. Она смешна и серьезна, в ней мысль, она агитирует и обличает. Да и сделала она актерски и постановочно законченно и остро.

Наиболее красивое впечатление от группы «мужики и бабы» Вабы (Дмитриевская, Брюсова, Павлихина), мужики: Зотов (Зайцев), Ермолай (Третьяков), Тоня (Несмелов), Суматохин (Оленин), Михалка (Мильмарк), особенно два последних. Здесь отклик от сложного психологизирования на тему «душа русского мужика», отход от реалистической портретности с неизменным лицом, которыми, как известно, мужик обязательно хлебает щи. Юмор народный мужицкий сметка, прищуренный глаз крестьянина, та народная стихия, которая рождает веселые шутки, присловия, поговорки, загадки, которыми так богат крестьянский язык, — вот что стало, мы бы сказали, темой образа, линией характеристики. Мужики вынуждают американца, но в самом тоне шутки — согласие с ним, американцем, вынуждая инае себя, хитро подмигивание по собственному адресу «есть за что, мол, подкузьмить», добрая шутка в самом желании смирить и построить. Мильмарк в роли Михалки, дает шустрого, бузотеристого парнишку, который хочет походить на взрослого. В этом жазепном, обычном лицеи есть своеобразная театральность, которая использована актером. Ва высоте общего тона спектакля ведут свои роли Истрин (Картер), Зиновьев (Максимка), Тряпкин (Груздев), Кочин (Давид Давылович), Ворошилов (Касторкин), Светухин (Крячеккин), Шигаева (переводчица). В других спектаклях актерская работа значительно слабее и бледнее.

Театр заслуживает поддержки и внимания.

Художественным руководителем театра приглашен Алексей Попов, под его руководством МРХТ может войти в ряды московских пионеров как интересный творческий коллектив. Только не как МРХТ. Надеемся, что театр выберет себе более скромное и характеризующее Ю. ЮЗОВСКИЙ.